

Антология «Кайфусо»: история, политика и поэтика

С. А. Родин
ИВКА РГГУ

Вознесётся же пышное великолепие прежних эпох,
и да воспарят голоса прекрасные в поколениях будущих!
«Кайфусо», предисловие

1. «Кайфусо»: оценки, суждения и точки зрения

Антология «Кайфусо» (懷風藻, 751 г.) представляется одним из наименее объективированных письменных памятников эпохи Нара (710–784 гг.), при том, что его значимость для реконструкции истории древней Японии сомнений не вызывает. Японские исследователи чаще всего рассматривают «Кайфусо» в литературоведческом аспекте, называя антологию «первым памятником литературной мысли Японии»¹ или «первым литературным произведением, созданным в Японии»², что, разумеется, справедливо — антология китаеязычных стихов-канси (漢詩) на несколько лет опередила появление колоссального по объёму «Собрания мириад листьев», «Мангёсю» (万葉集, 759 г.). Стихотворения, помещенные в «Кайфусо», расцениваются японскими учеными как «ученические»³, ведь японские поэты писали не на родном языке, но заимствовали как поэтическую форму, так и образную систему, характерную для китайской традиции. Японскому чиновнику последней четверти VII — VIII в. было трудно избежать сочинения стихов, поскольку данное умение, равно как и знание классического китайского письменного языка (вэньянь), было служебной необходимостью. Лучшим подспорьем в этом деле им, по всей видимости, служил текст антологии «Вэнь сюань» (文選, «Избранные произведения изящной словесности», первая половина VI в.), вобравшей в себя произведения 129 поэтов и охватывающей период с IV–III вв. до н. э. по VI в. н. э.⁴

Развивая утверждение об «ученическом» характере поэзии, представленной в «Кайфусо», исследователи неизбежно приходят к отрицанию

¹ Кайфусо, Бунка сюрэйсю, Хонтё мондзуй. Комментар. Кодзима Норикоки. Токио: Иванами сётэн, 1985. С. 3.

² Кайфусо. Ред. Эгути Такао. Токио: Коданся, 2000. С. 3.

³ Там же. С. 3–6, 389–391.

⁴ Духовная культура Китая. Т. 5. Литература. Язык. Письменность. М., 2008. С. 255–262.

авторского своеобразия произведений отдельных поэтов (наличия собственного «поэтического голоса»). Считается, что ко времени составления «Кайфусо» еще нельзя говорить о влиянии отдельных китайских поэтов на творчество японских авторов, но можно — о влиянии антологии «Вэнь сюань» в целом: хотя она и включала поэзию различных жанров и эпох, однако воспринималась в качестве однородного учебного текста. Восприятие японских *канси* как вторичных по отношению к собственно китайским стихам, равно как и к японским *вака*⁵, в современной науке восходит к гораздо более ранним трактовкам в традиционной поэтологии и сформировалось не в одночасье. В авторитетной «Истории японских стихотворений *канси*» (日本詩史, «Нихон сиси»), написанной Эмура Хоккай (1713–1788 гг.) в 1771 г. и являющейся, вероятно, первой сквозной историей данного жанра, прослеживается та же идея. Хоккай отмечает, что японские поэты, писавшие стихотворения на китайском языке, всегда отставали от поэтических тенденций Среднего государства примерно на 200 лет⁶. Так, в эпоху Нара основным источником вдохновения для японских поэтов были не стихи эпохи Тан (618–907 гг.), но произведения, написанные во времена Троецарствия, Южных и Северных династий (III–VI вв.), и даже влияние раннетанской поэзии считается незначительным. В первую половину эпохи Хэйан (794–1185 гг.) основным ориентиром для сочинителей *канси* будут уже танские Ли Бо (701–762/63) и Бо Цзюй-и (772–846 гг.); в эпоху Муромати (1333–1568 гг.) — поэзия династии Сун (960–1279 гг.), и так далее⁷.

Хотя «Нихон сиси» представляет собой не просто историческое, но также поэтологическое сочинение, Хоккай крайне осторожен при оценке тех или иных произведений: «Выносить суждения о *канси*, равно как и выбирать среди них лучшие — крайне непросто. Тот, кто уверен в собственной правоте, рассуждает предвзято. Тот, кто пытается избежать резких суждений, становится слабым и изнеженным, пытаясь угодить всем. К тому же трепет перед авторитетом и могуществом, ослепление собственными интересами, пристрастиями и неприязнями вводит в заблуждение и себя, и других. Невозможно вынести истинное суждение, выбирая между [стихотворениями] младшего брата чуского вана и главы дальнего уезда»⁸. Отдавая должное автору «Нихон сиси», заметим, что с указанными трудностями он справляется, группируя авторов по принципу социального положения (государя, принца, аристократы, буддийские монахи и т. д.) и выделяя лучших внутри каждой группы. Современные исследователи *канси* несколько более категоричны в оценочных сужде-

⁵ См., например: *Торопыгина М. В.* Ёсино в поэтической антологии «Кайфусо» // Политическая культура древней Японии. *Orientalia et Classica*, VII. М.: РГГУ, 2006. С. 83–84.

⁶ Нихон сиси. Годзандо сива. Комментар. Отани Масао, Симидзу Сигэру, Иби Такаси. Токио: Иванами сётэн, 1991. С. 600.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 154.

ниях. Так, в комментариях Эгути Такао, выполнившего перевод «Кайфусо» на современный японский язык, нередко встречаются фразы вроде: «Стихотворение хорошее <...> возможно, автору не хватило языковых средств выразительности»⁹, или «Стихотворение сложено умело, однако описание несколько простовато»¹⁰, и т. д.

В данной статье мы не ставим перед собой задачи оценить качество стихотворений антологии или владение японскими чиновниками того времени китайским языком, но хотим несколько сместить акценты в ее исследовании с формальной стороны на содержательную. Рассмотрение «Кайфусо» с точки зрения литературоведения оказалось крайне плодотворным в плане выявления скрытых цитат, присутствующих как в стихотворениях, так и в прозаических фрагментах, помещенных в антологию¹¹, однако оно несколько уводит в сторону от выявления собственно японской составляющей. В российском японоведении значимость междисциплинарного подхода к изучению «Кайфусо» продемонстрирована в работах А. Н. Мещерякова¹² и М. В. Торопыгиной¹³. В японской науке последних лет знаковым событием в истории изучения памятника явилась публикация сборника «Кайфусо. Как формировались представления о природе в Японии»¹⁴, в котором рассматриваются различные проблемы, связанные с реальным функционированием памятника в историческом контексте эпохи Нара и последующих эпох. Подобный подход представляется нам наиболее продуктивным. Язык описания, равно как и поэтическая форма, на наш взгляд, не являлись самоцелью при создании антологии, но были инструментом, использовавшимся японской политической элитой того времени для решения различных задач, в том числе как элемент политической борьбы. В основной части данной статьи мы попробуем проанализировать возможные политические мотивы создания памятника, которые становятся более явными при рассмотрении как специфической концепции прошлого («истории»), представленной в «Кайфусо», так и ключевых понятий, фигурирующих в поэзии.

⁹ Кайфусо. Ред. Эгути Такао. С. 255.

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ Подробнее о структуре «Кайфусо» речь пойдет далее.

¹² См., например, следующие работы А. Н. Мещерякова: Рецепция теории «мандата Неба» в древней Японии // Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010; Возвышение рода Фудзивара-но. Китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VIII в. // Там же; Древняя Япония. Культура и текст. М.: Наталис, 2010. А. Н. Мещеряковым также был осуществлён частичный перевод предисловия к антологии и перевод отдельных стихотворений.

¹³ Торопыгина М. В. Указ. соч. В данной работе также представлен комментированный перевод 16 стихотворений из 116, помещенных в «Кайфусо».

¹⁴ Кайфусо. Нихонгэкина сидзэнкан ва доноэни сэйрицусита ка. Ред. Тацуми Масааки. Токио: Касама сёин. 2008.

2. Поэтическая антология «Кайфусо»

Антология «Кайфусо» была составлена в 751 г., о чём известно из анонимного предисловия. В хронике «Сёку нихонги» (続日本紀, «Продолжение „Анналов Японии“») ¹⁵, основном источнике информации по истории периода Нара, мы не найдем упоминаний о данном событии, равно как и о составлении «Манъёсю» — хроника фиксировала факт создания текстов, санкционированных государством. Ни «Кайфусо», ни «Манъёсю» не относились к разряду *тёкусэнсю* — антологий, созданных по государеву повелению. Первая «императорская» антология *канси*, «Рёунсю» (凌雲集, «Собрание, порождённое облаками»), была создана уже в эпоху Хэйан, в 814 г. Особенностью «государственных» текстов, будь то поэтическая антология или историческая хроника, является их преемственность по отношению друг к другу, что явствует уже из их названий ¹⁶, они продолжают друг друга хронологически и композиционно. Факт «преемственности» нередко обозначается составителями в предисловии к тексту, а «государственный заказ» маркируется формальными особенностями предваряющих собрание вступлений, представленных в виде доклада государю чиновника, ответственного за составление данного собрания. Так, например, начинается предисловие второй государственной антологии *канси* «Бунка сюрэйсю» (文華秀麗集, «Собрание литературных шедевров», 818 г.): «Ваш подданный [принц] Накао говорит. “Рёунсю” была составлена управителем Муцу, Вашим подданным Оно-но Минэтори. Включала она 92 стихотворения, с первого года Энряку [782 г.] по пятый год Конин [814 г.]. С тех пор не прошло и четырех лет, а стихи продолжали появляться и скопилось их уже больше сотни» ¹⁷. В предисловии к «Рёунсю» про антологию «Кайфусо» не говорится ничего, однако это не означает, что последняя не участвовала в информационном обороте, но скорее свидетельствует об определенных особенностях *тёкусэнсю* в целом и жанра предисловий в частности.

Предисловие «Кайфусо» анонимно, и имя ее составителя до сих пор точно не установлено. В качестве наиболее вероятных кандидатур чаще всего указывают Оми-но Мифунэ (722–785), видного политика и ученого литератора периода Нара; чиновника Фудзии-но Хиронари, чьи стихотворения завершают антологию; государственного деятеля Исоноками-но Якацугу (729–781), сделавшего превосходную карьеру чиновника (в 780 г. назначен на пост старшего государственного советника, дайнагон).

В пользу возможного авторства Якацугу может свидетельствовать название антологии. Кодзима Нориюки указывает, что формант «со» (藻), обозначающий собрание стихотворений, не встречается в заглавиях

¹⁵ Сёку Нихонги: В 6 т. Токио: Иванами сётэн, 2005. Здесь и далее все данные хроники «Сёку Нихонги» приводятся по указанному изданию. Кроме отдельно указанных случаев, перевод выполнен автором настоящей статьи.

¹⁶ Данное утверждение справедливо в отношении исторических хроник, именуемых *риккокуси* (六国史), «шестью государственными историями», и «императорских» антологий *вака*.

¹⁷ Кайфусо, Бунка сюрэйсю, Хонтё мондзуй. С. 192.

китайских антологий, тогда как в самом тексте «Кайфусо», в жизнеописании его отца, Исоноками-но Отомаро, упоминается сборник *канси* самого Отомаро, носивший название «Камписо» (衞悲藻)¹⁸. По иронии судьбы в жизнеописании сказано, что сборник этот «сохранился до сегодняшних дней»¹⁹. К сожалению, это не так, однако сходство названий представляется очевидным. Помимо наличия в обоих текстах форманта «со», иероглифы 衞 и 懷 имеют схожее значение: «сокровенные, затаённые мысли». Якацугу, как известно из его жизнеописания, помещенного в «Сёку нихонги»²⁰, придерживался буддийского вероучения. В «Кайфусо» же имеется целых четыре (из девяти) жизнеописания буддийских монахов, и это может быть дополнительным аргументом в пользу авторства Якацугу.

Несмотря на наличие различных аргументов за и против каждой из трёх фигур, исходя из анализа текста предисловия и жизнеописаний, мы склоняемся к тому, что наиболее вероятным составителем «Кайфусо» был все же Оми-но Мифунэ, правнук принца Отомо (648–672), одного из ключевых авторов антологии. Позднее мы вернемся к обсуждению данной проблемы.

Антология включала 120 стихотворений 64 авторов, но к настоящему моменту из них сохранилось 116²¹. Все *канси* отвечают формальным признакам сложения китайских стихов *ши*: равностопность строк (пяти- или семисложный размер), наличие смысловых параллелизмов, соблюдение правил рифмовки (рифмуются только четные строки). Пятисложных стихотворений — 109, семисложных — семь. Количество строк в *канси* варьируется, однако и в китайской традиции ограничений на длину стихотворения не накладывалось²². Среди пятисложных *канси* в «Кайфусо»: 18 четверостиший, 72 восьмистрочных, шесть 10-строчных, десять 12-строчных, два 16-строчных и одно 18-строчное стихотворение. Все произведения авторские, расположены в хронологическом порядке. Тематическая рубрикация, по принципу которой построен текст «Вэнь сюань», отсутствует. Среди поэтов представлены средне- и высокоранговые государственные чиновники (наименьший ранг — младший шестой верхней ступени, три человека; наивысший — посмертный старший первый, два

¹⁸ Кайфусо, Бунка сюрэйсю, Хонтё мондзуй. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 176.

²⁰ Сёку Нихонги. Тэнъо 1–6–24 (781 г.). Здесь и далее отсылки к исторической хронике «Сёку Нихонги» даются через указание датировки того или иного события. Запись «Тэнъо 1–6–24» следует читать как «24-й день 6-й луны первого года Тэнъо».

²¹ Издание «Кайфусо» в серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй» приводит тексты 120 стихотворений, однако в ксилографе 1706 г. («Издание второго года Хоэй»), по которому осуществлялось данное, а также последующие современные издания антологии, их 116. В наиболее раннем из сохранившихся списков антологии (кисти Корэмунэ-но Такатоки, 1041 г.) четыре стихотворения также отсутствуют.

²² См., например: Кравцова М. Е. Поэзия вечного просветления. Китайская лирика второй половины V — начала VI в. СПб., 2001; Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и Средних веков. М., 1979.

человека, Фудзивара-но Фухито и Фудзивара-но Фусасаки), буддийские монахи, принцы. Также антология включает три канси кисти государя Момму. Наибольшим количеством поэтов представлен государев род и род Фудзивара-но. Для 40 человек указан возраст на момент смерти. Самым «молодым» автором в «Кайфусо» является принц Оцу (24 года), а самым «старым» — профессор высшей придворной школы Тори-но Ясучу (81 год). Помимо стихотворений, в текст антологии также помещены прозаические вставки (предисловие, девять жизнеописаний) и несколько предисловий к стихотворениям, написанных ритмизованной прозой. Все стихотворения имеют заголовки, однако их нельзя считать названиями произведений, и они служат скорее для обозначения темы, повода или обстоятельств создания канси. 18 стихотворений из 116 имеют подзаголовок «по высочайшему повелению» (яп. *осё, 応詔*). В «Сёку ни хонги» содержатся сведения о проведении государями пиров, во время которых чиновникам надлежало слагать стихи на заданные темы²³.

Трудно говорить о государевых пирах как о поэтических турнирах, поскольку все участвовавшие в них поэты награждались в соответствии с придворным рангом, а о выборе лучшего стихотворения ничего не сообщается. Возможно, однако, утверждать наличие некоторого игрового начала (что, в принципе, не исключает соревновательности) в сочинении канси во время пиров — на основании предисловий к некоторым стихотворениям «Кайфусо». Так, в предисловии к стихотворению № 65 («Пир осенним днем в усадьбе принца Нагая в честь гостей из Силла»), написанному Симоцукэно-но Асоми Мусимаро, после восхваления качеств хозяина и красот его усадьбы следует приглашение к составлению стихов на заданную рифму. Симоцукэно выбрал иероглиф 前 («прежде», «перед»; яп. *дзэн*): «Обмакнем же кисти и возьмем за бумагу, облекая вещи в форму слов. В цветущих строфах выразим, как ранит удаление на запад²⁴. Продлим же благоухание северной Лян²⁵. Да выберет каждый себе один знак и, подготовившись, выступит»²⁶.

Священное время да достигнет семи сотен!
 Правления благополучие да продлится тысячелетие!
 И вот сейчас гости далекие причалили,
 Ниспадают волосы длинные, по самые плечи!

²³ См., например, Дзинги 5–3–3 (728 г.) — государь устроил пир у петляющей реки. Были приглашены придворные чиновники пятого ранга и выше, а также литераторы. Было приказано сочинять хвалебные песни. Все участники были вознаграждены в соответствии с рангом; Тэмпё 6–7–7 (734 г.) — литераторам приказано слагать стихи по случаю празднования 7-го дня 7-й луны (Танабата) и т. д.

²⁴ Удаление на запад — возвращение посланцев обратно в Силла. Также подразумеваются ассоциации с осенью.

²⁵ При китайской династии Лян (502–557) был составлен «Вэнь сюань». Здесь — пожелание сложить стихи столь же прекрасные, как в княжестве Лян.

²⁶ Здесь и далее все отсылки к тексту антологии «Кайфусо» даются на издание памятника в серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй» (Кайфусо, Бунка сюрэйсю, Хонтё мондзуй), в нашем переводе, исключая отдельно указанные случаи.

Осенние цикады кричат, в листве спрятавшись,
 Дикие гуси возвращаются, меж облаками петляя.
 Одиноко звучит лишь феникса песня
 Под струны, настроенные на лад расставания.

聖時逢七百
 祚運啓一千
 況乃梯山客
 垂毛亦比肩

寒蟬鳴葉後
 朔鴈度雲前
 獨有飛鸞曲
 並入別離絃

Поводом для сочинения большинства стихотворений, представленных в «Кайфусо», было соблюдение придворного церемониала — повеление государя, сопровождение государева паланкина в поездке, охота или аристократические пиры, на которых присутствовали посланники из корейского государства Силла. Очень часты описания природы, однако сложно говорить о реалистичности изображаемого в канси пейзажа, речь может идти скорее о «символическом пространстве»²⁷, размеченном в соответствии с образной системой китайской традиции. Говоря иначе, личный жизненный опыт сочинителей канси редко находил отражение в стихотворениях. Сомнения исследователей вызывает даже то, была ли знакома японцам того времени хризантема, чей аромат (и вкус, в случае с «хризантемовым вином» — стихотворения № 51, 71) воспеваются в шести канси антологии²⁸.

Нам неизвестно, кто в эпоху Нара считался лучшим среди поэтов «Кайфусо», однако в данном отношении определенный интерес представляет китаеязычное предисловие к первой государственной антологии вака «Кокинвакасю» (905 г.), написанное Ки-но Ёсимоти (ум. 919 г.): «После того как принц Оцу сложил первые китайские стихи, все, кто был искусен в сложении песен, восхищенные этими стихами, сами вслед за принцем стали слагать такие же. Они заимствовали китайские знаки письма, и после этого даже жизнь в стране изменилась»²⁹. Ёсимоти ошибается — сложение канси, согласно тексту «Кайфусо» и последующей традиции, начинается с принца Отомо, а не Оцу. Расходятся также мнения относительно того, чьи стихи были лучше. Эмура Хоккай пишет в «Нихон сиси»: «В действительности, первым слагать китайские стихи стал принц

²⁷ Торопыгина М. В. Указ. соч. С. 81.

²⁸ Подробнее см.: Сато Синъити. Кайфусо-но сёкубуцу. Кику-о тьосин-ни ситэ (Растения в «Кайфусо», на примере хризантемы) // Кайфусо. Нихонтэкина сидзэнкан ва доноёни сэйрицусита ка. С. 170–184.

²⁹ Цитируется в переводе И. А. Бороиной по изданию: Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии. М.: Наука, 2005. С. 28–29.

Отото, после него — принц Кавасима, после него — принц Оцу <...> И хотя принц Кавасима сочинил [первое] пятисложное стихотворение в восемь строк, а Оцу сочинил семисложное стихотворение, им всем не сравниться с талантом Отото»³⁰.

Сам же составитель «Кайфусо» не выказывает явного предпочтения ни одному из авторов и не рассуждает о достоинствах и недостатках поэзии, однако помещает имена четырех поэтов и отсылки на их канси в текст предисловия: «Сокрытый дракон, государя сын³¹, закружил облачного журавля кистью ветра, летящий феникс, государь³², проплыл на лунной лодке вдоль туманного берега, советник Син горевал, что виски его поседел³³, министр То³⁴ воспел мудрое управление», — что уже можно считать за признание высоких качеств этих стихотворений или же за особое внимание, уделяемое их авторам.

3. Политическая антология «Кайфусо»

По нашему мнению, составитель (или составители) «Кайфусо» руководствовался вполне определенными политическими мотивами при создании данного текста. Особенно отчетливо они проявляются в четырех жизнеописаниях принцев, имеющихся в антологии и основная проблема, затрагиваемая в них, касается вопроса престолонаследия и «правильной» передачи власти. Все жизнеописания так или иначе возвращают нас к событиям, известным как «смута года дзинсин» (672 г.), представляющим «болевою точкой» раннеяпонской истории и спровоцировавшим долгосрочное противостояние и острую политическую борьбу, которая приобретала различные формы и выражения, в том числе — форму поэтическую.

В 645 г. принц Нака-но Оэ, будущий государь Тэнти (прав. 668–671 гг.), на глазах у своей матери, действующей государыни Когёку³⁵, с мечом в руках набрасывается на влиятельного сановника Сога-но Ирука³⁶. Государыня удаляется во внутренние покои дворца, а Нака-но Оэ со своим помощником Накатоми-но Каматари (614–669) довершает начатое дело и убивает сановника. По версии, приведенной в мифологическо-летописном

³⁰ Нихон сиси. Годзандо сива. С. 45.

³¹ Принц Оцу, стихотворение № 6.

³² Государь Момму, стихотворение № 15.

³³ Омива-но Такэтимаро, стихотворение № 18.

³⁴ Фудзивара-но Фухито, стихотворение № 29.

³⁵ Государыня Когёку (641–645), мать принцев Нака-но Оэ и Оама (Тэнти и Тэмму), вторично взошла на престол под именем государыни Саймэй (655–661).

³⁶ Описание эпизода см. в «Нихон сёки»: Когёку 4–6–12. Здесь и далее все сообщения «Нихон сёки» цитируются в переводе Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова по изданию: Нихон сёки. Анналы Японии: В 2 т. СПб.: Гиперион, 1997. Отсылки к конкретным местам памятника даются с указанием имени государя или девиза правления, и даты. Запись вроде Когёку 4–6–12 следует читать как «4-й день 6-й луны 12-го года правления государыни Когёку».

своде «Нихон сёки» (720), принц убивает Ирука, поскольку последний «задумал разрушить небесные храмы и прекратить линию наследования Солнцу»³⁷. Таким образом, одним из первых деяний будущего государя, правившего Поднебесной из дворца Оми-Оцу, более известного по его китайскому посмертному имени, приписанному историографами VIII в., как государь Тэнти (天智), «Небесный мудрец», было убийство.

Смерть и кровь считались сильнейшими источниками ритуальной нечистоты *кэгарэ*, и правителям надлежало избегать любых контактов с ней³⁸. Случай с убийством Сога-но Ирука представляется вопиющим нарушением как придворного церемониала, так и традиционных представлений о допустимом и запретном, именуемых синтоизмом, поскольку ритуальному загрязнению подверглись государевы покои. Обнажать оружие в присутствии государыни считалось также недопустимым. Принц Нака-но Оэ сознательно нарушает эти запреты, и оправдывает его лишь одно — он делает это ради защиты государева рода и сохранения правильной линии преемственности власти, линии «наследования Солнцу».

С принцем Нака-но Оэ и его единоутробным младшим братом, принцем Оама (государь Тэмму, 天武, «Небесный воитель», прав. 672–686 гг.), связан самый сложный внутридинастийный конфликт, длившийся со второй половины VII по конец VIII в. и начавшийся со «смуты года *дзинсин*». Находясь при смерти, Тэнти назначает наследником своего сына, принца Отомо (государь Кобун, прав. 671–672 гг.), однако его свергает принц Оама и сам восходит на престол под именем государя Тэмму. До правления государя Конин (прав. 770–781 гг.) престол будут занимать исключительно потомки «Небесного воителя». С его именем связаны значительные социально-политические преобразования. До Тэмму государи именовались *оокими*, теперь же начинает последовательно применяться бинном *тэнно*. В Китае этим термином (кит. *тяньхуан*) обозначали небесного императора или Полярную звезду, располагающуюся на севере небосвода. Согласно идеям конфуцианства, осуществлять управление следует, уподобившись Полярной звезде, замершей на одном месте, чтобы остальные звезды вращались вокруг нее³⁹. *Тяньхуан* — небесный император, верховное божество даосского пантеона, пребывает в небесном дворце, откуда он управляет даосскими мудрецами *чжэньжэнь* (яп. *махито*). В системе титулов знатности *якуса-но кабанэ*, введенной Тэмму в 684 г., наибольшим престижем как раз обладал титул *махито*. При Тэмму также ведется усиленная работа по разработке идеологических основ государства — издается указ о составлении государственных хроник и «Законов Киёмихара» (текст не сохранился)⁴⁰. Особое внимание, уделяемое Тэмму

³⁷ «Нихон сёки».

³⁸ См., например: Родин С. А. Политическая культура // История японской культуры. М.: Наталис, 2011. С. 19.

³⁹ Подробнее о титулатуре японских правителей см.: Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь. М.: Наталис, 2004.

⁴⁰ Родин С. А. Политическая культура. С. 21–22.

идеологическому компоненту власти, может быть обусловлено как общим курсом на «китаизацию» общества (в чем он продолжал политику Тэнти), так и недостаточной легитимностью самого правителя. Хотя формально не было выработано правил передачи трона, восшествие на престол брата, а не сына государя Тэнти позднее воспринималось негативно. Так, в 781 г. при решении вопроса о престолонаследии были приложены все усилия, чтобы не допустить на трон потомка Тэмму, принца Осабэ, уже объявленного наследным принцем. Вместо него на трон был посажен принц Сиракабэ, потомок Тэнти, хотя его мать даже не принадлежала к верховной японской аристократии, а происходила из рода Такано, потомков королевской семьи Пэкче⁴¹.

По нашему мнению, внутрдинастийный конфликт, в результате которого на троне оказался Тэмму и его потомки, отразился в большинстве письменных памятников VIII в.⁴² Составителям хроник и антологий приходилось учитывать сразу несколько факторов. В первую очередь текст должен был отвечать запросам заказчика и получателя, которыми в случае с хрониками выступало государство в лице государя или государыни, относившихся к тому или иному ответвлению правящего рода. Во-вторых, готовый текст должен был учитывать интересы родов, к которым принадлежали как сами составители, так и гипотетические адресанты — японская придворная элита. По этим причинам в памятниках мы не встретим открытого высказывания недовольства правлением ни Тэнти, ни Тэмму, однако оценку их действий позволяет выявить анализ структуры и символической системы, применяемой в указанных текстах.

Несмотря на то что государь Тэнти «прославился» как убийца Сога-но Ирука и потерпел поражение от войск корейского государства Силла и китайской династии Тан в 663 г.⁴³, потомкам он запомнился вовсе не ратными деяниями, а внедрением идей китайской образованности и развитием литературного творчества, в том числе сложения китайских стихов-канси. Образ Тэнти как совершенномудрого правителя создается и в предисловии к «Кайфусо»: «И было так, пока предыдущий государь Оми [Тэнти] не получил мандат⁴⁴. Распростер-расширил он государевы деяния, прояснил-растолковал высочайшие помыслы, и Путь его соответствовал Небу и Земле, а заслуги озарили сиянием мироздание⁴⁵. Также он полагал, что в деле гармонизации манер и исправления обычаев ничто не способно превзойти письменность, а для насыщения тела добродетелью

⁴¹ Родин С. А. Политическая культура. С. 22.

⁴² Подробнее см.: Родин С. А. «Кайфусо» как первая политическая антология Японии // Япония: переломные моменты истории. Сб. конференции. М.: Наталис, 2012.

⁴³ См., например: Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. С. 151.

⁴⁴ Мандат — 命 — имеется в виду мандат неба.

⁴⁵ 宇宙 (яп. *утю*) — дословно — «стрехи и стропила»; все пространство, небо и земля, прошлое, настоящее и будущее. Слово имеет как пространственные, так и временные коннотации.

прежде всего надлежит использовать учение. И тогда учредил он школу, призвал талантливых, установил пять церемоний, ввел сто законов. Эти законы и уложения, правила и запреты по размаху и широте с древности равных себе не имели. И тогда три начала⁴⁶ пребывали в сиянии и спокойствии, в четырех морях настало великое процветание».

Составление антологии «Кайфусо» проходило, по всей видимости, под контролем рода Фудзивара-но, чей основатель, Накатоми-но Каматару, был ближайшим сподвижником Тэнти. Род Фудзивара-но не устраивало положение, при котором на трон возводились потомки государя Тэмму и его супруги Дзито. Помимо прочной ассоциации Тэнти и Каматару, неприятие Тэмму было вызвано, возможно, еще и тем, что в ходе «смуты года *дзинсин*» был казнен брат Каматару, Канэ⁴⁷.

В VIII в. положение дома Фудзивара-но не раз оказывалось под угрозой, однако наиболее значительные неприятности ему доставил внук Тэмму и сын принца Такэти, принц Нагая. Со смертью Фудзивара-но Фухито, второго сына Каматару, карьерный рост представителей этого рода замедлился, а главную должность в чиновничьей иерархии в 724 г. занял принц Нагая⁴⁸. Неоднозначность отношений между представителями рода Фудзивара-но и принцем Нагая видна как из текста антологии «Кайфусо», так и из хроники «Сёку нихонги». На наш взгляд, не исключено, что в «Кайфусо» имплицитно содержится идея о неподобающем поведении Нагая и о его несправедном желании соперничать с государем.

Во-первых, в большинстве случаев имя принца Нагая записывается на китайский лад как Чжан-ван (長王),⁴⁹ что, с одной стороны, оправдано спецификой самой антологии, с другой — маркирует Нагая в качестве «вана», т. е. данника Китая, а не как опору японского государя. Однако сделаем еще одну оговорку — иероглиф 王 часто прочитывается учеными как *оокими* и может служить в качестве почтительного поименования аристократа или принца. Во-вторых, многие стихотворения, сложенные на поэтических собраниях в усадьбе принца, приписывают ему обладание качествами, свойственными лишь правящему государю: добродетелью-*току*, мироустроительными потенциями, а в предисловии к стихотворению № 65 («Пир осенним днем в усадьбе принца Нагая в честь гостей из Силла») и вовсе утверждается, что он установил «единство письменности и ширины дорог». Представители рода Фудзивара-но, напротив, очень аккуратно относились к возможной интерпретации их действий как посягательства на права государева рода. Так, Фудзивара-но Фухито отказывается от должности Главного министра (получил назна-

⁴⁶ Возможными представляются два толкования: три начала (земля, человек, небо), а также три разряда людей (талантливые, заурядные, глупые), однако, учитывая космический размах описания, первый вариант выглядит более предпочтительным.

⁴⁷ «Нихон сёки». Тэмму 1–8–25.

⁴⁸ Мещеряков А. Н. Возвышение рода Фудзивара-но... С. 307.

⁴⁹ См., например, стихотворения № 50 и 51.

чение посмертно), поскольку до него ее занимали исключительно потомки государей. Согласно «Сёку нихонги», Нагая был обвинен в «ворожбе» и приговорен к смерти в 729 г., а в 738 г., с приходом к власти Татибана-но Мороз и очередным ослаблением позиций Фудзивара-но, оправдан⁵⁰. Разумеется, трудно говорить о единомыслии внутри такого крупного рода, как Фудзивара-но, в VIII в. распавшегося на четыре «дома», но безусловным является неприятие этим родом потомков Тэмму, в данном случае принца Нагая, и возвеличивание образа Тэнти.

Трое принцев, чьи жизнеописания помещены в «Кайфусо», были потомками Тэнти и лишь один — Тэмму. Открывается антология жизнеописанием принца Отомо (он же — государь Кобун). Принц Отомо характеризуется исследователями как самый способный из детей Тэнти. В 670 году ему было суждено стать первым в истории Японии Главным министром и возглавить Государственный совет Дадзёкан, учрежденный годом позже⁵¹. Перевод его жизнеописания приводим ниже:

«Наследный принц был старшим сыном императора Оми⁵². Сложения выдающегося, нрава глубокого и пронизательного. Глаза его ярко сияли, озаряя все вокруг ярким светом. Танский посол Лю Дэ-гао сказал, его за приметив: “Этот принц на прочих людей внешним видом не походит, не из этой он страны!” Однажды ночью приснился принцу сон, будто небеса разверзлись и старец в красных одеждах приблизился к принцу и преподнес ему Солнце — поднял его над головой и принцу передал. Но вдруг кто-то вылез из-под мышки, Солнце украл и скрылся. Проснувшись, принц чрезвычайно разволновался и спросил толкование у внутреннего министра Фудзивара-но⁵³. Вздыхая, тот сказал: “Боюсь, что после 10 000 лет священного правления⁵⁴ обманщик возжелает престолом завладеть. Я же того не желаю. Ваш подданный слышал, что на Пути Неба нет любимчиков, и помогает Небо лишь тем, кто творит добро. Прошу о том, чтобы добродетель-току принца преумножалась его деяниями. Тогда бедствия и несчастья не одолеют. У меня же есть дочь, и желаю лишь того, чтобы стала она Вам супругой и помощницей”. Вскоре породнились они, и было это прекрасно.

Лишь стоило принцу достичь возраста службы, как назначили его Главным министром, и управлялся он с сотней дел. Наследный принц обучился многому, был талантлив в литературе и военном деле. Начав управляться с десятью тысячами дел, он непрестанно вызывал почтение и благоговейный трепет у чиновников. Когда исполнилось ему 23 года, назначен он был наследным принцем. Многих ученых мужей он пригласил и приютил. Принц от природы обладал светлым умом и с малых лет почитал учения древних. Стоило ему взяться за кисть — получалось литературное произведение, стоило ему заговорить — начинался ученый

⁵⁰ Мецзяков А. Н. Возвышение рода Фудзивара-но... С. 309.

⁵¹ «Нихон сёки». Тэнти 10–1–5.

⁵² Тэнти.

⁵³ Каматари.

⁵⁴ Имеется в виду правление Тэнти.

спор. Люди того времени, принимавшие участие в спорах, были поставлены в затруднение его всесторонней учёностью. И хотя дни проходили, его поэтический талант со временем лишь обновлялся. Во время смуты года *дзинсин* принц утратил мандат Неба. Было ему 25 лет».

Жизнеописание превозносит качества Отомо и обвиняет Тэмму узурпации трона, называя его «обманщиком». Показательно, что Каматари приписывается предвидение данного события, однако утрату мандата Неба принцем Отомо он предотвратить не смог. За жизнеописанием следует стихотворение кисти принца, превозносящее добродетель Тэнти:

Государево сияние сверкает, подобно Солнцу и Луне!
Императорская добродетель-току вмещает Небо и Землю!
Три начала в великом мире процветают!
Десять тысяч стран выражают почтительность подданных.

皇明光日月
帝德載天地
三才並泰昌
萬國表臣義

Положительной характеристики удостоиваются в «Кайфусо» также принц Кавасима, второй сын Тэнти, и принц Кадоно, внук Тэнти и сын Отомо. Далее приводим перевод жизнеописания принца Кавасима:

«Принц Кавасима был вторым ребенком императора Оми⁵⁵. Нрава он был спокойного и великодушного, манеры его были изящными. Вначале поклялись они с принцем Оцу не выступать друг против друга. Узнав, что Цу⁵⁶ восстание замыслил, Сима⁵⁷ об измене доложил. Государь его преданность оценил, но друзья посчитали, что худо он поступил. Учёные люди по сей день не знают, как к этому относиться. Мне же думается, что дело подданного — служить общественному, позабыв про личные привязанности; тогда как укрепление связей супротив господина и родителей противоречит добродетели. И по сей день я сомневаюсь в том, что он очернил друга, не пытаясь образумить его. [Кавасима] скончался в ранге сёдайсан⁵⁸. Лет ему было 35».

Кавасима наделён «нравом спокойным и великодушным», «манерами изящными» и преданностью государю. В тексте указывается, что Кавасима был дружен с принцем Оцу, третьим сыном Тэмму, однако донес государю о замыслах своего друга, якобы планировавшего переворот. Составители антологии вступают за потомка Тэнти: «И по сей день мы сомневаемся в том, что очернил он друга, не попытавшись перед тем

⁵⁵ Тэнти.

⁵⁶ Оцу.

⁵⁷ Кавасима.

⁵⁸ Соответствует старшему пятому рангу верхней ступени.

образумить его». Позиция составителей более чем ясна — в тексте употребляется личное местоимение, что встречается в подобных памятниках чрезвычайно редко.

Сам принц Оцу не наделяется отрицательными характеристиками напрямую⁵⁹. Говорится лишь о том, что он был «сбит с толку» наветами «дурного монашка» из Силла и «беззаконие замыслил». Ниже — наш перевод жизнеописания принца:

«Принц был старшим сыном императора Киёмихара⁶⁰. Лицом прекрасен, сложением крепок, нрав имел величественный, познания обширные. С малых лет полюбил ученость, знаниями глубокими обладал, стихи слагать хорошо умел. Повзрослев, полюбил военное дело и, сильным сделавшись, с мечом умело управлялся. Нрав его весьма распушенным стал. На закон не взирая, перед воинами суставы преклонял и почтение им выказывал, а потому многие из тех людей принцу прислуживали. В то время жил один монах из Силла, по имени Гёсин, который толковал небесные знаки и гадания совершал. Принцу он так сказал: «Наследный принц отличается сложением от подданного, и страшусь, что не удастся ему себя сохранить, если он, такими качествами обладая, столь долго в низком ранге оставаться изволит». Потому-то [Оцу] решился на мятеж. Будучи сбитым с толку наветами, вскоре беззаконие замыслил. Ах-ах, как же печально! Превосходными талантами обладая, не соблюл верноподданность и сыновний долг не исполнил, дабы себя сберечь. С дурным монашкой сблизился, а затем к смертной казни приговорён был и с собой покончил. Потому-то мудрецы древности, с друзьями общаясь, проявляли сдержанность, и если призадуматься, глубокий в том смысл. Было ему 24 года».

В очередной раз доносится до нас голос составителя: «Ах-ах, как же печально! Покушение на престол являлось тягчайшим преступлением в глазах японской элиты и весомым аргументом для устранения потенциального мятежника. Высшей заслугой перед государством было способствование правильной передаче престола. Подтверждение этому находим в жизнеописании принца Кадоно, внука Тэнти:

«Принц был внуком императора Оми, старшим сыном наследного принца Отомо. Его матерью была старшая дочь императора Киёмихара, принцесса крови Тотти. Благородство его было всеохватным, а манеры утонченными. Внешность его была прекрасной, а проницательность — превосходной. Его «древесина»⁶¹ подошла бы для опорного столпа, а «земля»⁶² достоинства государя и рода матери совмещала. С малых лет по-

⁵⁹ Перевод данного жизнеописания, выполненный Е. Б. Сахаровой, см.: Сахарова Е. Б. «Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара-но // Политическая культура древней Японии // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. VII. М., 2006. С. 182–255.

⁶⁰ Император Киёмихара — Тэмму.

⁶¹ «Древесина» — личные качества.

⁶² «Земля» — знатное происхождение.

любил ученость и глубоко постиг канон и исторические писания. Любил он сочинять стихи, и были они превосходными. Также владел он и живописью. Будучи прямым внуком государя Киёмихара, получил он четвертую большую степень ранга дзэ⁶³ и назначен Министром управления. После кончины принца Такэти⁶⁴ вдовствующая государыня призвала всех принцев и чиновников всех министерств в Запретные покои, замыслив определить наследника Солнца. Тогда все подданные, каждый себялюбиво выставляясь, множество доводов стали в беспорядке приводить. Принц же, выйдя вперед, заговорил: «Законом нашего государства с века богов является наследование небесного престола детьми и внуками. Поэтому, если передавать власть братьям, то это тут же приведет к смутам. Ниц простершись, молвлю: разве кому подвластно предугадать волю Неба? Однако если про дела людские молвить, наследование священному престолу должно определиться естественным образом. Против этого может ли кто высказаться?» Тогда принц Югэ⁶⁵ со своего места выступить желал, но принц [Кадоно] браниться принялся, и тот говорить не стал. Государыня-вдова то мнение об устройстве государства одобрила. Особым указом присвоила она принцу старший четвертый ранг и назначила его Министром кадров. Когда скончался, было ему 37 лет».

В этом жизнеописании Тэмму и его потомки уже напрямую обвиняются в нарушении порядка «наследования Солнцу», а потомок Тэнти представлен гарантом соблюдения «правильного» порядка престолонаследия. Показательна и его речь о некоем «законе», действующем с «века богов», согласно которому передавать престол можно своим детям, но не братьям, дабы избежать смуты в государстве. Подобного закона в текстах законодательных сводов VIII в. не зафиксировано, однако речь может идти о «законах вечных», установленных Тэнти, на которые ссылаются государи в своих указах-сэммё. Для потомков Тэмму такое утверждение было равносильно признанию отсутствия легитимности, поскольку «Небесный воитель» был братом Тэнти и инициатором убийства его сына. Если же вернуться к вопросу о гипотетическом составителе текста «Кайфусо», то, учитывая данный политический контекст, нам кажется разумным искать его среди людей, которые могли испытывать недовольство, если не неприязнь, по отношению к династической линии Тэмму и иметь тесную связь с линией Тэнти. Наиболее подходящей кандидатурой в данном свете выглядит Оми-но Мифунэ, правнук принца Отомо. Неслучайным также является и то, что антология открывается жизнеописанием и стихотворениями Отомо: дело здесь могло быть вовсе не в поэтическом первородстве.

На наш взгляд, позволительно говорить о «Кайфусо» как памятнике политической мысли, отразившем отношение составителей к приходу к власти династической линии Тэмму. Правление «Небесного воителя» и его потомков воспринималось негативно, о чем свидетельствуют как сооб-

⁶³ Соответствует младшему пятому рангу нижней ступени.

⁶⁴ Сын Тэмму.

⁶⁵ Младший брат принца Такэти, сын Тэмму.

щения жизнеописаний, помещенных в антологию, так и поэтические произведения. Разумеется, не все образцы поэзии данного памятника связаны только с политикой, однако если речь идет о красоте мира или природы, то зачастую это не просто выражение эстетического, лирического чувства наблюдателя, но моделирование идеального образа мира, правильно управляемого и поэтому красивого. Правильно же управлять мог «мудрец», но не «воитель», и наиболее предпочтительным инструментом поддержания гармонии, правильного порядка отношений между вещами, равно как и показателем стабильности общества, выступали рифмованные строки.

Приложение

ПЕРЕВОД ПРЕДИСЛОВИЯ «КАЙФУСО»

Слухом обратимся к мудрецам прежним, взор устремим в писания давние, к веку, когда государев экипаж спустился с горы [что в землях] Со⁶⁶, ко временам, когда возведен был дворец в Касивара⁶⁷, а Небо положило начало творению. Люди тогда еще не создавали узоров⁶⁸. Со времени, когда божественная государыня⁶⁹ Корею усмирила, и до воцарения государя Хомуда⁷⁰, [люди из] Пэкче прибывали сюда. Привезли они канон и обустроили конюшни⁷¹. Когурё направило послание, записанное узорами птичьими⁷² на птичьих перьях. Вани вывел Карусима⁷³ из невежества, Сини распространил ученость в Осада⁷⁴, благодаря чему ветер [с берегов] Чжу и Сы вскоре пронесся по миру⁷⁵, а люди устремились к учению [княжеств] Ци и Лу. Во времена Сётоку-тайси⁷⁶ были установлены титулы и определены ранги и положено было начало ритуалам и церемониям. Но почитал [Сётоку] лишь учение Шакья⁷⁷, и недосуг ему было сочинять стихи. И было так, пока предыдущий государь Оми не получил мандат. Распростер-расширил он государевы деяния, прояснил-растолковал высочайшие помыслы, и Путь его соответствовал Небу и Земле, а заслуги озарили сиянием мироздание. Также он полагал, что в деле гармонизации манер и исправления обычаев ничто не способно превзойти письменность,

⁶⁶ См.: «Нихон сёки». Т. 1. С. 150.

⁶⁷ Там же. С. 192.

⁶⁸ Не было письменности.

⁶⁹ О государыне Дзингу см. свиток 9 «Нихон сёки».

⁷⁰ Имеется в виду государь Одзин. См. свиток 10 «Нихон сёки».

⁷¹ Имеются в виду Адзикаки и Вани, корейские монахи, которые привезли конфуцианские канонические сочинения в Японию и обучали наследных принцев китайскому языку. См.: «Нихон сёки». Т. 1. С. 290.

⁷² См.: «Нихон сёки». Т. 2. С. 69.

⁷³ Дворец государя Одзин.

⁷⁴ Дворец государя Бидацу.

⁷⁵ Чжушуй и Сышуй — реки в княжестве Лу, где жил Конфуций. Образное обозначение конфуцианства.

⁷⁶ Про принца Сётоку см.: «Нихон сёки». Т. 2. С. 94.

⁷⁷ Буддизм.

а для насыщения тела добродетелью прежде всего надлежит использовать учение. И тогда учредил он школу, призвал талантливых, установил пять церемоний, ввел сто законов. Эти законы и уложения, правила и запреты по размаху и широте с древности равных себе не имели. И тогда три начала пребывали в сиянии и спокойствии, в четырех морях настало великое процветание. Жемчуга и шелковые нити в недеянии находились, и в уединенных покоях появилось много времени для отдохновений. Раз за разом призывал [Гэнги] ученых мужей-литераторов и устраивал пиры с вином сладким. На тех пирах государь сам изволил слагать стихи, а мудрые подданные подносили хвалебные песни. И резной бумаги с прекрасным письмом куда больше ста листов было! Но во времена, когда основа в беспорядок пришла⁷⁸, стали они все пеплом, и память о них утасла. Скорбь о том ранит сокровенные мысли. Но не переставали появляться поэты и после. Сокрытый дракон, государя сын, закружил облачного журавля кистью ветра, летящий феникс, государь, проплыл на лунной лодке вдоль туманного берега, советник Син горевал, что виски его поседел, министр То воспел мудрое управление. Вознесется же пышное великолепие прежних правлений, и да воспарят голоса прекрасные в поколениях будущих! Я же, поскольку ранг имею низкий и должности не занимаю, сердцем странствую в саду поэзии. Проходя по следам людей старины, тоскую по прекрасным пейзажам минувших странствий. И хотя звуки прошлого уже почти не слышны, те кисти, чей след еще различим, сохранены здесь. Вспоминаю о талантливых стихах далекого прошлого, и невольно начинают капать слезы. Пробираюсь сквозь пестрые водоросли, отыскивая путь в даль, и гложет тоска оттого, что впустую голоса ветром развеяло. Отыскать их — будто собрать стену в Лу из груды камней или сплести из пепла письма, утраченные в Цинь. Всего 120 стихотворений, сохранившихся с давнего правления из Оми и по нынешнее время Хэйто, были собраны в одном свитке. Тщательно записаны были имена и родословные 64 авторов, а их ранги и родовые земли указаны перед заглавиями стихотворений. Я, этот текст составивший, помыслом имел лишь то, чтобы в будущем не забылись обычаи, оставшиеся от великих мудрецов прошлого. Посему название — «Кайфу». 3-й год Тэмнэ сёхо [751 г.], год каното у, зима, 11-я луна.

⁷⁸ Имеется в виду «смута года дзинсин».